

⁴⁰ *Perle C. Op. cit.*

⁴¹ *Kozłowski S. The pre-neolithic base ...*

⁴² *Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита.— К., 1989.— Рис. 20, 23, 30.*

⁴³ *Там же.— С. 88.*

Л. Л. Зализняк

ПОЗДНИЙ МЕЗОЛИТ УКРАИНЫ

В статье подробно рассматриваются сложные этнокультурные процессы, протекавшие на территории Украины в позднем мезолите и приведшие в конечном счете к формированию генетической подосновы древнейших индоевропейских этнических общностей — среднестоговской, новоданиловской и других. В работе подробно рассматриваются яниславицкая, донецкая, гребениковская, мурзак-кобинская культуры и памятники типа Платовский Став. Две первые приняли участие в формировании неолита Левобережной лесостепной Украины, который был генетической основой древнейших индоевропейских скотоводов энеолитической эпохи. Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем номере журнала.

L. L. Zaliznyak

THE LATE MESOLITHIC PERIOD OF UKRAINE

Complex ethnocultural processes which took place in the territory of Ukraine in the late mesolithic period and led in the end to formation of a genetic subbase of ancient Indo-European ethnic communities: mid-Stogovian, Novo-Danilovian and so on are discussed in the paper. The author describes in detail Yanislavitsian, Donetsk, Grebeniki, Murzakkobian cultures and relics of the Platov Stav type. The first two cultures participated in formation of the Neolithic period in the Left-bank forest-steppe Ukraine; the Neolithic was a genetic ground of the ancient Indo-European cattle-breeders of the Eneolithic epoch. The paper continues the one published in the previous issue.

Одержано 30.12.94

РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. М. Массон

В статье на основе археологического материала дается всесторонняя характеристика ранних комплексных обществ Восточной Европы, рассматриваются пути их развития, наличие связей с традициями других цивилизаций.

Ранние комплексные общества характеризуются: иерархизацией организационных структур; усложнением структур в социальной, политической и экономической сферах, где последняя заметно отличается от примитивной автаркии; социальной иерархией, в которой статус определялся принадлежностью от рождения к данной стране; повышением роли центра (в политическом плане вождя-лидера) в интеграции общества; новыми организационными возможностями, позволяющими путем концентрации усилий получать зна-

© В. М. МАССОН, 1995

чительный эффект, особенно заметный в строительной деятельности. Вместе с тем, размытость социальных страт, еще недостаточно закрепленных имущественным статусом, характерным для первых цивилизаций и государств, делала ранние комплексные общества неустойчивыми образованиями. В их судьбах диалектически переплетались взлеты и падения, консолидация и дезинтеграция.

Археологическими показателями ранних комплексных обществ являются: специализация производств с выходом на престижные объекты; иерархия поселений; социальная стратификация, отраженная в образе жизни от погребальных обрядов до домов и бытовых объектов; выделение лидеров со специфическими функциями и иерархия в их среде. Наиболее впечатляющим показателем, отражающим новый уровень организационных возможностей, являются свидетельства крупномасштабной организационной деятельности, выраженной в создании крупных поселений, монументальных культовых центров и экстраординарных погребальных сооружений. В конкретной ситуации на первый план выходят те или иные формопроявления в различном сочетании. Я полагаю, что наиболее перспективным является употребление именно понятия «ранние комплексные общества». Термин «чифдом» менее всеобъемлющ, характеризует только одну сторону (в основном политическую) складывающейся ситуации и не применим к ранним этапам развития данного феномена.

Можно говорить о двух основных путях развития ранних комплексных обществ — урбанистическом и неурбанистическом. Раннеземледельческая эпоха на Ближнем Востоке дает классический путь развития по урбанистическому пути к первым государствам и цивилизациям. Неурбанистический путь представлен в Евразии по крайней мере двумя вариантами. В раннеземледельческую эпоху в Юго-восточной и Центральной Европе начинается развитие раннеземледельческих структур по неурбанистическому пути. После определенного подъема и впечатляющих успехов в культуре и интеллектуальном потенциале этот путь вел к стагнации, а затем и коренной трансформации. Другим вариантом развития ранних комплексных обществ по неурбанистическому пути являются культуры степной бронзы Евразии, где скотоводческий сектор экономики играл особую, иногда, возможно, и ведущую роль.

По материалам Старого Света можно говорить о двух больших периодах развития ранних комплексных обществ в V—II тыс. до н. э. В первом периоде, представленном раннеземледельческими обществами V — первой половины III тыс. до н. э., происходит трансформация эгалитарности и экономической автаркии. Налицо иерархия поселений с выделением на некоторых из них центральной постройки — резиденции старейшин. Начало накопления ценностей демонстрирует некрополь Варны. Однако могилы лидеров здесь лишь умеренно подчеркиваются особенностями погребального обряда, за исключением престижных объектов и символов идеологической власти. Слабое развитие военной функции в раннеземледельческих обществах лишило процесс институализации власти важного стимула. Налицо аристократический путь политогенеза.

Со второй половины III тыс. до н. э. начинается второй период развития ранних комплексных обществ, интенсификация которого приходится на II тыс. до н. э. На грани периодов лежит культурная трансформация, связанная, по крайней мере частично, с крушением ранних комплексных обществ первого периода, шедших по неурбанистическому пути. Второй период ранних комплексных обществ можно характеризовать как пору их расцвета с формированием соответствующих политических структур, за которыми закрепилось понятие «чифдом». Социальные перемены ведут к возрастанию престижной ценности вещей. Многие клады этого времени можно рассматривать как результат престижно-социальных актов. Огромную роль во втором периоде начинает играть военный фактор. Завершение освоения территории в рамках данной экономической системы стимулировало стремление к насильственному перераспределению благ. Утверждается социальный статус воинов, которые выделяются в особую страту. Военная функция ускорила про-

цесс институализации власти, налицо военно-иерархическая форма политогенеза. Сакрализация военного дела способствовала превращению позиции военного лидера в постоянную должность. Шлемы, щиты, дифференцированные виды метательного оружия, укрепления и архаические крепости характеризуют своего рода процесс материализации общества.

В доскифских обществах Восточной Европы отчетливо прослеживаются разные формы ранних комплексных обществ. Так трипольское общество Молдавии и Украины представляют собой конкретный вариант балканского неурбанистического пути развития. Налицо яркая культура благоустроенности и прикладных искусств от орнаментированной керамики до мелкой пластики. Устанавливается иерархия поселений, где выделяются три группы: мелкие — площадью от 0,3 га до 4 га, средние — от 4 до 10 га и крупные — свыше 10 га. Наличие в одном районе памятников всех трех групп указывает, что мы имеем дело и с иерархией общественных структур.

Показательная динамика демографических процессов, отразившаяся в типах поселений¹. В Молдавии все типы поселений появляются уже в раннем Триполье, хотя господствуют мелкие поселки (90%). В наиболее густо заселенном районе около Флорешт налицо все три типа, причем крупнейшее из них — Гур-Каменка IX видимо играло роль центра всего сельскохозяйственного района, подобно малоазийскому Чатал-Гуюку. Стремительный подъем происходит в пору среднего триполья. Изменяется сама структура расселения. Господствующее положение занимают средние и крупные поселения, составляющие 53% от общего числа известных памятников. Все это ведет к следующему скачку — сложению трипольских суперцентров, открытие которых стало и важным событием, и загадкой отечественной археологии.

Тщательный анализ аэрофотосъемки показал наличие на Уманщине огромных поселений, где жилища располагались несколькими концентрическими кругами². Таковы поселения Майданское (250 га), Доброводы (250 га), Тальянки (400 га). В Молдавии к числу подобных суперцентров принадлежат Петрены. Результаты сплошной географической разведки, проведенной на Майданецком, показали, что оно в действительности занимало площадь в 300 га и состояло из 1500 жилищ, располагавшихся четырьмя эллипсами³. Естественно, такие размеры потрясли исследователей — они превосходили даже площади городов цивилизаций Шумера и Хараппы. Правда, пока не изучена микрохронология трипольских суперцентров и, вполне возможно, что кольца обживались не одновременно, а один пояс жилищ сменялся другим. Далее следует иметь в виду, что планировочно это были рассредоточенные поселения, своего рода разросшиеся села с огромным пустым пространством в центре. Коэффициент застройки, определяемый соотношением общей площади поселения и площади жилых домов, составляет в Майданецком 30, а в древневосточных теллях и среднеазиатских тепе — 1—1,5. С учетом этого коэффициента Майданецкое соответствует древневосточному поселению площадью около 10 га. Однако более существенно то обстоятельство, что на огромных трипольских поселениях отсутствуют качественно новые структуры урбанистического характера. Не известны здесь ни ремесленные кварталы, ни монументальные постройки. Здесь слабо представлены такие функции города как торговая, ремесленная, функция идеологического лидерства и убежища. Видимо, трипольским обществом был сделан только первый шаг к становлению городских центров — концентрация населения. Однако сам факт сооружения огромных поселков циркульной планировки отражает объединение усилий кооперируемого труда, характерное для ранних комплексных обществ. Символ своего единства они находили не в гигантских культовых комплексах или богатых гробницах усопших лидеров, а в сугубо гражданском строительстве. Если рассматривать трипольское общество как своего рода конфедерацию племенных союзов, то в уманских гигантах можно было бы видеть руины общетрипольских столиц, последовательно сменявших друг друга.

Но эти суперцентры так и не перешагнули урбанистический рубеж. В позднем Триполье, как во всей европейской раннеземледельческой ойкумене, проступают черты упадка и дезинтеграции. В Молдавии изменяется структура расселения.

Основным типом опять становятся мелкие поселки (54%), а число крупных и средних сокращается. Неурбанистический путь развития раннего комплексного общества завершается возвратом на исходные рубежи. Становление ситуации, ведущей раннеземледельческие общества по неурбанизационному пути, требует специального анализа. С моей точки зрения, здесь необходимо, имея в виду Юго-Восточную Европу, обратить внимание на три обстоятельства. Первое — это технологический архаизм производственного комплекса, где в целом ряде культур, как, например, в Болгарии и Триполье — Кукутени, несмотря на знакомство с металлом, огромную роль сохранили кремневые, костяные и роговые орудия. Их производительность, судя по всему, вполне обеспечивала функционирование сложившейся аграрной системы. Второй аспект — это проблема эффективности и производительности системы производства продуктов питания, когда обширные угодья, потенциально могущие быть сравнительно легко (в отличие от ирригационного земледелия) освоенными, не стимулировали интенсификацию земледелия. И в-третьих, следует внимательно рассмотреть функции крупных поселений, которые были центрами сельской округи, но где слабо проявляются другие урбанистические функции. Например, при наличии отдельных святыщ в болгарских памятниках, в целом функция централизованного идеологического лидерства выражена слабо.

Интереснейшим образцом ранних комплексных обществ является майкопская культура на Северном Кавказе. В 1897 году известный российский археолог и востоковед Н. И. Веселовский раскопал в г. Майкопе богатейшую курганную гробницу, содержащую металлические изделия, многочисленные украшения, обычную глиняную посуду, 2 золотых и 14 серебряных сосудов. Два из последних имели фриз с изображением животных. Курган явно принадлежал к раннему времени. Было удивительно, что на Северном Кавказе, вдали от основных центров древних цивилизаций существовала столь высоко развитая культура. Некоторые ученые в недоумении даже пытались изменить датировку и отнести гробницу к скифскому времени. Я полагаю, что феномен Майкопа конца IV — сер. III тыс. до н. э. как социологического явления вполне может найти объяснение в концепции раннего комплексного общества⁴.

Археологические материалы свидетельствуют о развитии в майкопском обществе специализированных производств. Ряд групп керамики отличается высоким качеством изготовления, имеются свидетельства ее производства с помощью гончарного круга медленного вращения. Однако это были лишь начальные этапы его использования, ставшего на Древнем Востоке технической базой развития керамического ремесла. Формы майкопской керамики монотонны и архаичны, имеются и круглодонные сосуды. Металлургическое и металлообрабатывающие производства, широко освоившие литейное дело на основе местных медно-никелевых руд, создали ряд устойчивых типов изделий, опирающихся в ряде случаев на древневосточные традиции. Именно продукция металлургии и металлообработки заставляет полагать, что специализация деятельности стала особым экономическим институтом. Судя, по меньшей мере, по объектам бижутерии — складывается обмен-торговля на дальние расстояния, если только это не предметы, полученные в ходе военных экспедиций.

Материалы могильников и погребений майкопской культуры ясно указывают, что перед нами общество сложной социальной стратификации⁵. Уже при предварительном анализе налицо дихотомия богатейших гробниц, возведение которых требовало значительного концентрированного и организационного труда, и рядовых погребений под курганными насыпями. Высота самого майкопского кургана достигала 11 м. В ур. Клады, под станицей Новосвободной, экспедицией ИИМК РАН вскрыт целый могильник, принадлежавший местной элите. Самый крупный курган, именуемый Серебряным, имел в диаметре насыпь около 110 метров, под которой скрывалась монументальная гробница из каменных плит. А. Д. Резепкин, положив в основу анализа престижные и утилитарные группы инвентаря, выделяет среди 13 гробниц, относимых к аристократической элите, три ранговые группы⁶. Вполне веро-

ятно, ранговая иерархия складывалась уже внутри страты вождей, подобно тому как тысячелетием позднее это отмечалось для курганов триалетской культуры.

Все это свидетельствует о том, что в Майкопе мы имеем общество сложной производственной и социальной организации с выделением управленческих структур, позволяющих осуществлять концентрацию общественного труда. В данном случае этот труд был нацелен на монументальные погребальные сооружения. В. С. Бочкарев справедливо отметил, по материалам гробницы 31 аристократического некрополя Клады, полифункциональность власти лидера⁷. В инвентаре гробницы налицо предметы, связанные с производственными функциями, в частности, с металлургией и ее особой сферой — ювелирным делом⁸, игравшим столь заметную роль в жизни северокавказского общества майкопской эпохи. Налицо также объекты, связанные с сакральными функциями, престижные объекты и оружие, явно выводящее на военную функцию. Среди оружия имеется и меч, едва ли не древнейший среди подобного рода изделий. Возможно, именно военная функция майкопских лидеров интенсифицировала институализацию власти, направляя политогенез по военно-аристократическому пути. Именно эта власть была способна осуществлять крупномасштабную деятельность, направленную на идеологической утверждение новых институтов через посредство своего рода монументальной пропаганды. Концентрация элитарных гробниц в Средней Кубани может свидетельствовать о том, что именно здесь находился политический центр майкопского общества.

Естественно, встает вопрос, каковы истоки раннего комплексного общества Майкопа, весьма древнего и по-своему высокоразвитого среди подобных структур, шедших по неурбанистическому пути. С первых этапов исторической интерпретации материалов Майкопа было справедливо обращено внимание на то обстоятельство, что целый ряд объектов от форм металлических изделий до серебряных сосудов с художественными рельефами может быть вписан в широкий круг древневосточных древностей. В качестве механизма объяснения этих связей то и дело появлялись высказывания о проникновении на Северный Кавказ каких-то групп ближневосточных мигрантов. Однако надо сказать, что с точки зрения ближневосточной археологии майкопский археологический комплекс, как устойчивый набор типов изделий, не находит полного соответствия ни в одной из групп переднеазиатских памятников, будь это Северная Месопотамия или Сирия. Налицо только отдельные, общие аналогии и единичные импорты как, например, цилиндрическая печать или объекты бижутерии. Принципиально отличается и погребальный обряд, важный показатель древних этнокультурных общностей. Не шумеры и не выходцы из Сирии погребены под курганными насыпями Северного Кавказа. Там покоятся лидеры местного населения, следующие традиционным обрядам, столь популярным в степном мире. Все это заставляет считать, что высокие социальные структуры не были привнесены из центров древневосточных цивилизаций, а явились естественным этапом в развитии местных институтов.

Действительно, в последнее десятилетие появились материалы, представляющие в новом свете домайкопский период на Северном Кавказе. Здесь принципиальное значение имеет открытие А. А. Нехасвым поселения IV тыс. до н. э. Свободное, к которому тяготеет ряд других культурно близких местонахождений⁹. Это был поселок площадью около 1 га, укрепленный рвом и валом, который на определенном этапе сменил палисад. Анализ орудий труда показывает, что значительная их часть связана с земледелием. В стаде преобладали овцы, что могло отражать и локальную хозяйственную вариабельность. Мелкая пластика представлена фигурками женщин и бычков. Многочисленны и разнообразны каменные браслеты и другие костяные и каменные украшения. Кстати, каменные браслеты — обычная находка и в поселениях майкопского времени. Можно заключить, что северокавказские земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие общины с типичным культурным комплексом раннеземледельческой эпохи образовывали тот реальный пласт, на котором развивался феномен Майкопа. Экономической базой майкопского феномена как исторического явления был при-

бавочный продукт, получаемый в местных земледельческих и скотоводческих хозяйственных системах.

Ближневосточные связи, скорее всего, лишь стимулировали культурное и общественное развитие на Северном Кавказе, привнесли технологические, культурные и идеологические инновации. Остается вопрос о самом механизме этих связей, шедших, судя по всему, в обход центральных районов Закавказья, где в это время процветало устойчивое раннеземледельческое общество Куроаракса с мощным пучком местных традиций. Такие связи могли быть обусловлены получением металла из северокавказских источников, принимающим форму военно-торговых экспедиций. Недаром военная функция майкопских лидеров выражена столь отчетливо и является в этом отношении едва ли не древнейшим в Европе проявлением такого рода. Внутреннюю слабость майкопского общества составляла, видимо, малая демографическая насыщенность освоенных экологических ниш, доминанта в горных районах скотоводческой модели развития хозяйства. Майкопские поселения не велики по размерам и расположены относительно далеко друг от друга. Они явно не образовывали того мощного демографического пласта, который является исходным для дальнейшей эволюции ранних комплексных обществ к государству и цивилизации. Какие-либо предтечи урбанистических центров, хотя бы наподобие трипольских здесь отсутствуют. В этих условиях концентрация власти, обеспечившая процветание на протяжении нескольких столетий, не получила социально-экономических стимулов для дальнейшей эволюции. В результате усиливаются процессы дезинтеграции, и на Северном Кавказе в постмайкопское время налицо признаки упадка и регресса¹⁰. Определенную деструктивную роль могла сыграть и энергичная агрессия акадских правителей Шумера, изменившая военно-торговую ситуацию в Передней Азии. Как бы то ни было, взлет и падение майкопской культуры достаточно типичны для судеб ранних комплексных обществ.

Третий образец ранних комплексных обществ Восточной Европы, развивающихся по неурбанистическому пути, представляют собой племена степной бронзы на определенном этапе своего развития, связанным с распространением комплексов срубного и андроновского типов. Исследователи традиционно сопоставляют носителей этих археологических комплексов с племенами индо-иранской общности, и это направление исследовательских разработок на какое-то время заслонило анализ специфики этих обществ как исторического явления.

Качественно новые материалы здесь стали поступать уже в 70-е годы, а в 80-х годах их количество лавинообразно возрастает, подводя исследователей к необходимости поисков новых путей их исторической интерпретации. Первой ласточкой в этом отношении явились раскопки могильника XVII—XVI вв. до н. э. Синташта на Зауральском плато на полпути между Челябинском и Магнитогорском. Здесь располагалось поселение площадью около 0,5 га, состоящее из 10 крупных полуземлянок. В расположенном неподалеку могильнике с насыпями в крупных ямах, обложенных досками, находились неординарные захоронения, сопровождаемые колесницами, в которых легкие колеса обычно имели до десяти спиц. Рядом располагались черепа коней, положенные в ряд. Полные костяки коней находились и над погребениями иногда числом до семи¹¹. Это были захоронения воинов, как об этом свидетельствовали находки боевых вислобушных топоров, втулчатых копий и кремневых наконечников стрел. Социальный статус погребенных был довольно высок, что подчеркивалось помещением в гробницу бронзовых височных колец, покрытых золотой фольгой, и нагрудных наборов из серебряных пластин. Характерны дисковидные костяные псалии с шипами, предназначавшиеся для запряжки колесницы. Сами лошади принадлежат к особой элитной степной породе. Уже в самом начале этого открытия стало ясно, что перед нами конкретное проявление большого исторического явления, широко представленного в степной зоне Евразии¹².

Новые открытия увеличили число подобных неординарных памятников. Были раскопаны курганы диаметром в 12—18 м с большой могильной ямой, в которую помещалась легкая колесница, сами колеса заглублялись в землю,

благодаря чему сохраняются их четкие отпечатки. Остатки коней встречаются как в могильной яме, так и непосредственно под насыпью¹³. С точки зрения культурогенеза могильники, содержащие подобные курганы (Синташта, Берлик, Кенес, Новоникольское и др.), стоят у истоков формирования андроновской культурной общности, испытавшей мощный западный импульс.

Но это социологическое явление — выделение страты знатных воинов-колесничих было знаменем времени, а не особенностью развития одной из археологических культур степной бронзы. Об этом, например, свидетельствуют раскопки Кондрашинского кургана в районе Воронежа с керамикой позднеабашевского типа. Здесь в крупной яме были найдены: бронзовый наконечник копья, проушной топор, кремневые наконечники стрел и часть костяного псаля с шипами¹⁴. Возможно, остатки деревянных конструкций, большей частью сохранившиеся в виде тлена, являются частями колесницы. В могильниках саратовского Заволжья, также содержащих в культуре абашевские элементы, в больших могильных ямах, обложенных деревом, найдено разнообразное оружие, псаля и парные захоронения лошадей (Утевка, Потаповский могильник; раскопки П. Ф. Кузнецова). Примечательны находки в некоторых гробницах металлургических шлаков и сопел, что может указывать, как в случае с майкопскими гробницами, на полифункциональность прерогатив лиц, погребенных в подобных могилах.

Стали известны и результаты целенаправленной организованной деятельности общества, где ведущую роль играла страта богатых воинов-колесничих. В Южном Приуралье были открыты городища правильной циркульной планировки. Они имеют развитую систему укреплений, сочетающую рвы и палисады. Таковы городища Аркаим¹⁵, Устье и некоторые другие. Интересно, что как и трипольские суперцентры, они были обнаружены благодаря авиафотосъемке. Планировочно ряд из этих городищ является аналогом, а, возможно, и предтечей монументальных культовых центров, открытых в оседлых оазисах Бактрии середины II тыс. до н. э. Возможно, что и ряд памятников Южного Урала, как например Аркаим, также выполняли функцию культового центра.

Все это позволяет говорить, что в степной зоне середины II тыс. до н. э. имело место развитие ранних комплексных обществ, давших ощутимые плоды в виде городищ правильной планировки. Наличие страты воинов-колесничих, распространение укреплений в рядовых поселках этого времени показывает сколь велика была в обществе роль военной функции. Это, конечно, способствовало военно-иерархическому пути политогенеза. Однако, как это в целом обычно для ранних комплексных обществ, идущих по неурбанистическому пути, не замедлила наступить стадия упадка и дезинтеграции. В данном случае страта воинов-колесничих довольно скоро исчезает, наступает период более плавного развития. Примечательным является наличие в обществах Поволжья, Южного Урала и Зауралья элементов, связанных с традициями микенской цивилизации. В частности, костяные псаля идентичны микенским находкам. В данном случае, видимо, можно говорить о широкой сфере взаимодействий на внемикенской периферии. Это проявилось также и в культуре Отомань, чьи памятники представлены в Закарпатье. Ранние комплексные общества, единые в своей сущности как социологический феномен, каждый раз выступают в конкретном своеобразии культурных процессов и исторической ситуации.

Примечания

¹ *Массон В. М.* Динамика развития Трипольского общества в свете палеодемографических оценок // *Первобытная археология — поиски и находки.* — К., 1980.

² *Шишкин К. В.* Из практики дешифровки аэрофотоснимков в археологических целях // *Археология.* — К., 1973. — № 10.

³ *Шмаглый М. Н.* Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // *Первобытная археология — поиски и находки.* — К., 1980.

⁴ *Массон В. М.* Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы.* — Л., 1991.

- ⁵ *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности.— М., 1963.
- ⁶ *Резепкин А. Д.* Погребения вождей майкопской культуры // Новые исследования археологов Ленинграда.— Л., 1983.
- ⁷ *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции 1978—1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей.— Л., 1980.
- ⁸ *Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А.* Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы и станиц Новосвободной и Батурниевой // Древние культуры евразийских степей.— Л., 1982.
- ⁹ *Нехаев А. А.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // Вопросы археологии Адыгеи.— Майкоп, 1984; *Нехаев А. А.* О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы.— Л., 1991.
- ¹⁰ *Гаджиев М.* Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа.— Ереван, 1982.
- ¹¹ *Генинг В. Ф.* Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА.— 1977.— № 4.
- ¹² *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий.— М., 1977.
- ¹³ *Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.— Алма-Ата, 1989.
- ¹⁴ *Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П.* Кондрашинский курган.— Воронеж, 1989.
- ¹⁵ *Зданович Г. Б.* Указ. соч.

В. М. Массон

РАННІ КОМПЛЕКСНІ СУСПІЛЬСТВА У ДАВНІЙ ІСТОРІЇ СХІДНОЇ ЄВРОПИ

Ранні комплексні суспільства характеризуються ієрархізацією організаційних структур; ускладненням структур у соціальній, політичній та економічній сферах, де остання помітно відрізняється від народження до певної страти. Збільшується значення лідерів в інтеграції суспільства. Нові організаційні можливості дозволяють шляхом концентрації зусиль отримати ефект, особливо помітний у будівельній діяльності. Разом з тим, розпливчастість соціальних страт, ще недостатньо закріплених майновим статусом, характерним для перших цивілізацій та держав робили ранні комплексні суспільства нестійкими утвореннями. У їхніх долях діалектично перепліталися злеті й падіння, консолідація та дезінтеграція. Можна говорити про два основні шляхи розвитку ранніх комплексних суспільств — урбаністичний та неурбаністичний. Перший є типовим для Близького Сходу. Неурбаністичний шлях розвитку представлений в Євразії принаймні двома варіантами. Перший — це неурбаністичний розвиток ранньоземлеробських суспільств Південно-Східної та Центральної Європи. Іншим варіантом є культури степової бронзи Євразії, де скотарський сектор економіки відіграв особливу роль. Трипільське суспільство Молдови й України можна розглядати як один з проявів неурбанічного шляху розвитку балканського виду. Нові відкриття гробниць майкопської культури (III тис. до н. е.), де нові дослідження призвели до відкриття складних укріплених поселень й багатих поховань воїнів-колісничих. Цікавим є наявність у подібних суспільствах Поволжя, Південного Уралу та Зауралля елементів, пов'язаних з традиціями мікенської цивілізації.

V. M. Masson

EARLY COMPLEX SOCIETIES IN THE ANCIENT EAST EUROPE

Early complex societies features: hierarchization of the basic structures; increasing complexity of social, political and economic patterns, essentially distinct from the primitive autarchy. The emerging social hierarchy manifested itself, in an individual initially belonging to a certain social stratum, in the increasing importance of central power (and of a personified leader-chief) and in social integration. The new organizational potentialities, which enabled one to achieve considerable gains by means of concentrated efforts, were particularly effective in monumental architecture. At the same time, the vagueness of the

social strata not definitely strengthened by property ranking, which were typical of early civilizations and states, resulted in the instability of early complex societies. The historic destinies of these societies dialectically combined the rise and fall, consolidation and disintegration.

One may distinguish: 1) urban and 2) non-urban development in early complex societies; the first being typical of the Near East. In the second line of development, in Eurasia, one may distinguish two variants: the non-urban development of early agricultural structures in Southeastern and Central Europe; and non-urban development of the Bronze Age cultures of the Eurasian steppes, essentially based on stock-breeding.

The Tripoly society in the Ukraine and Moldova is seen as a variant of the Balkan-type development.

The newly discovered burial assemblages of the Maikop culture (3rd millennium BC) indicates the institutionalized military power of local leaders, which enabled them to carry out large-scale constructions.

Military functions were particularly important in early complex societies of the South Urals and in Northern Kazakhstan (middle of the 2nd millennium BC), where recent investigations have brought to light complicated fortified settlements and the rich burials of warriors.

It is noteworthy that societies of such type found in the Volga, South Urals and Trans-Urals areas featured the occurrence of elements related to the Mycenaean civilization.

Одержано 20.09.91

ОЛЬВІЙСЬКО-САРМАТСЬКІ ВІДНОСИНИ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ I ст. н. е.

А. С. Русяєва

У статті розглядаються окремі аспекти ольвійсько-сарматських зв'язків за часів царя Фарзоя у другій половині I ст. н. е. Разом з тим, ставиться ряд питань, які вимагають дослідження на широкому історичному тлі з урахуванням елліно-сарматських, скіфо-сарматських та римсько-сарматських взаємовідносин протягом коротких хронологічних відтинків.

Ольвія як одне з найбільших міст на Понті підтримувала різноманітні контакти з багатьма етнополітичними об'єднаннями Східної Європи. Серед них чільне місце належить сарматам. Деякі з них, як ніхто з варварів, пройшли довгий шлях від середньоазіатських і приволзьких степів територією сучасної України до Західної Європи, зітнувшись з багатьма іншими народами і залишивши на їх землі свої сліди. Цей феномен невинного багатовікового просування зі сходу на захід різних за назвою племен, але за античною традицією об'єднаних в одне етнічне поняття «сармати», в багатьох відношеннях залишається загадковим. Безсумнівно, що його історико-психологічна суть ще далека від точної і переконливої реконструкції. Перш за все це пояснюється дуже невеликою кількістю писемних джерел, різним підходом як до їх інтерпретації, так і до відповідних археологічних матеріалів, неоднаковими методами їх аналізу і зіставлення, бажанням переглянути зроблені раніше висновки і висловити власне бачення історичної ситуації у пориві властивого вченим прагнення до відкриттів і новацій, а також, що теж іноді трапляється, підігнати ті чи інші дані при ігноруванні інших під задалегідь придуману концепцію. Те ж саме можна сказати і про дослідження ольвійсько-сарматських відносин¹.

Найбільш вагомими і численними джерелами, які стосуються цієї теми, належать до другої половини I—III ст. Можливо, що місто, яке то деякий час перебу-

© А. С. РУСЯЄВА, 1995